З.Б. ИБРАГИМОВА
(Махачкала)

ДИСКУРС ДАГЕСТАНСКИХ БОГОСЛОВОВ ПО ПРОБЛЕМЕ «ЛЖЕШЕЙХСТВА» (краткий экскурс в историю вопроса)*

Раскрывается проблема «лжешейхства» в дагестанских арабоязычных богословских полемических сочинениях начала XX в. Полемика по данному вопросу, получившая начало в данный период времени, также нашла отражение в работах современных богословов. Рассмотрение данного вопроса является частью изучения истории распространения суфизма в Дагестане.

Ключевые слова: *суфизм, шейх, лжешейхство, полемика, Дагестан.*

В начале XX в. в Дагестане появились полемические работы по различным проблемам суфизма, мухаджирства и т. д. Те или иные вопросы по данным проблемам поднимались в сочинениях богословов, в их личной переписке или в периодических изданиях. В частности, в начале XX в. дагестанскими богословами были созданы сочинения на арабском языке, в которых рассматривалась проблема «лжешейхства» в суфийских братствах [9; 16, с. 77]. Одним из наиболее значимых и крупных по объему произведений, посвященных этой проблеме, является «Табакат ал-хваджакан ан-накшбандиййа ва садат машаих ал-халидийа ал-махмудийа» («Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Халидийа-Махмудийа»), оно было завершено в 1911 г. и принадлежит Шуайбу ал-Багини (1857–1912 гг.), уроженцу с. Багинуб (ныне Чародинского района РД). Данному сборнику суфийских биографий посвящен ряд статей Ш.Ш. Шихалиева, М.А. Мусаева [5; 6] и М.Г. Шехмагомедова [15], в которых отмечается, что «единичность экземпляров рукописных копий этого произведения свидетельствует, что рассматриваемое сочинение не получило большого распространения. “Табакат” Шуайба имел хождение в ограниченных суфийских кругах» [5, с. 218]. Исследователи предполагают, что причина этого заключается в антироссийском содержании текста сочинения, ознакомление с которым представителей власти могло привести к репрессивным действиям против автора.

В исследовании Ш.Ш. Шихалиева, посвященном духовному наследию дагестанских суфийских шейхов XIX – первой половины XX в., отмечается, что, помимо описания биографий суфийских шейхов, стержнем работы Шуайба ал-Багини являются два аспекта: претензии на наставничество лиц, не имевших на это полномочий, а также вопросы совершения зикра (богопоминания. – *З.И.*) [17, с. 138]. Также исследователь считает, что полемика относительно «лжешейхства» в «дагестанской мусульманской историографии берет начало именно с данного сочинения Шуайба ал-Багини, а в дальнейшем, в начале XX в., этот вопрос становится актуальным, о чем свидетельствуют многочисленные статьи, письма и даже главы в сочинениях дагестанских авторов в начале XX в.» [Там же]. В своем сочинении Шуайб ал-Багини ставит под сомнение легитимность иджазы (разрешения на наставничество) нескольких шейхов, среди которых считавшиеся духовными преемниками шейха Абдурахмана-Хаджи ас-Сугури (из с. Согратль ныне Гунибского района РД, 1792–1891 гг.), подчеркивая, что у Абдурахмана ас-Сугури их не было, кроме Ильяса-Хаджи ал-Цудакари (из с. Цудахар ныне Левашинского района РД, ум. 1904 г.) [19]. «Распространителями порока» он называет шейхов, утверждающих, что они являются последователями шейха Кунта-Хаджи.

В дальнейшем преемник муршида (духовного наставника) Шуайба ал-Багини шейх Хасан ал-Кахи (из с. Кахиб ныне Шамильского района РД, 1852–1937 гг.) продолжил дело своего наставника и написал достаточно большое количество произведений, в которых также рассматривалась проблема «лжешейхства». Среди них следующие сочинения на арабском языке: «Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин»; «ал-Бурудж ал-мушаййада би-н-нусус ал-муаййада»; «ад-Дурра ал-байда’ фи радд ал-бидаʿ ва-л-ахва’»; «Джухд ал-мукилл фи радд шатахат ал-мункир ал-мудилл и ал-Джаухара ал-нафиса фи иʿанат ат-тарикат ан-накшубандиййа» [14]. Свое негативное отношение к неправомерно претендующим на звание шейха Хасан ал-Кахи аргументировал следующим образом: «Во-первых, они (лжешейхи. – *З.И.*) сами толком не знают того, чему наставляют других. Во-вторых, они

* Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 15-01-00047.

© Ибрагимова З.Б., 2017

запрещают людям идти к истинным шейхам. Подобные лжешейхи вносят в тарикат различные нововведения и этим отталкивают людей от принятия тариката. Люди, не имеющие разрешения на наставничество от совершенного шейха, приводят общество к духовной гибели… Мусульманские ученые вынесли единогласное решение: “Шейх, не являющийся преемником совершенного шейха и не имеющий от него иджаза, не имеет права обучать людей, и ему нет места в силсиле”. Он не в состоянии передать свет познания Аллаха в сердце своего мюрида, так как сам не получил его от предыдущих шейхов. Души пророков и аулия не встречаются с ним. Человек, не получивший духовного воспитания у шейхов и не знающий тариката, не имеет права быть шейхом. Такой человек подобен слепцу, указывающему дорогу другим. Маджзуб не может быть наставником для людей, так как он сам не знает дороги, ведущей к познанию Аллаха, и не испытал на себе трудности этого пути. Такой человек не может повлиять даже на свой собственный нафс» [13]. Более того, Хасан ал-Кахи в своих сочинениях перечисляет неоспоримые «признаки шейха», дабы рядовые верующие могли отличить истинного шейха от муташаййиха (лжешейха). Он считает, что способность совершать караматы (чудеса) не является необходимым условием для иршада (духовного наставничества), однако наличие иджазы (письменной или устной, произнесенной при свидетелях), напротив, является неотъемлемым условием правомерного «шейхства» [16, с. 64].

В вышеуказанных произведениях, помимо рассуждений и констатаций по проблеме «лжешейхства» с использованием довольно-таки нелицеприятных эпитетов, приводились конкретные имена современников авторов, пользующихся в среде верующих репутацией муршидов. Несомненно, подобные высказывания порождали ответную реакцию последователей шейхов, легитимность которых ставилась под сомнение. Примером подобного отклика на «Табакат» ал-Багини можно назвать небольшое сочинение Мухаммада ал-Хабши (из с. Апши ныне Буйнакского района РД). Этот «протест» является примером того, что, несмотря на единичность списков, вышеуказанное произведение Шуайба ал-Багини, действительно, имело хождение в среде суфиев.

Нам был предоставлен текст на арабском языке, озаглавленный «Макалат ал-валийи Мухаммад бну Ахмад ал-Хабши ли масаили ал-‘ариф Шуа‘йб афанди ал-Багини» («Высказывания вали Мухаммада сына Ахмада ал-Хабши на вопросы арифа Шуайба-эфенди ал-Багини»)*. Это небольшое по объему сочинение создано «в ответ» на обвинения ал-Багини в «лжешейхстве» другого дагестанского суфия – Шарапуддина ал-Кикуни (из с. Кикуни ныне Гергебильского района РД, 1876–1936 гг.). Текст в объеме 10 страниц набран на компьютере в формате А4, и, согласно заверениям жителя с. Кикуни М. Абдуллаева, его рукописный экземпляр хранился в библиотеке ныне покойного Мухаджира Акаева (1933–2008 гг.), проживавшего в с. Доргели (ныне Карабудахкентского района РД). В конце текста дается запись, принадлежащая, на наш взгляд, переписчику оригинала, к сожалению, без указания его имени: «Я, нуждающийся в помощи Аллаха, переписал с почерка устаза, вали, муршида Мухаммада сына Ахмада ал-Хабши в месяц рамазан 1395 г.х. (в сентябре 1975 г.)». Исходя из того, что впервые «Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва садат машаих ал-Халидийа ал-Махмудийа» Шуайба ал-Багини был издан в Сирии лишь в 1996 г., а дата переписки «Макалат ал-валийи Мухаммад б. Ахмад ал-Хабши ли масаили ал-‘ариф Шу‘айб-афанди ал-Багини» относится к 1975 г., мы можем предположить, что Мухаммад ал-Хабши ранее имел возможность ознакомиться с рукописным вариантом сочинения ал-Багини.

Мухаммад сын Ахмада ал-Хабши, получивший разрешение на наставничество от Маккашарипа ал-Иргали (из с. Иргали ныне Левашинского района РД, р. 1871 г.), являлся продолжателем цепи духовной преемственности шейхов братства накшбандийа – Мухаммада-Хаджи (1835/36–1913 гг.) и Шарапуддина ал-Кикуни, уроженцев с. Кикуни. М. Акаев, в библиотеке которого хранились «высказывания на вопросы Шуайба-эфенди ал-Багини», в свою очередь, являлся духовным преемником Мухаммада ал-Хабши [11]. В 1997 г. М. Акаев также получил иджазу на наставничество от накшбандийского шейха Назима ал-Кипруси (1922 – 2014 гг.), в цепь духовной преемственности которого также входят шейхи ал-Кикуни [11; 18].

Шарапуддин ал-Кикуни – шейх суфийского братства накшбандийа, за ним и его дядей Мухаммадом-Хаджи ал-Кикуни, являвшимся его духовным наставником, закрепилась репутация идеологов переселенческого движе-

* В ходе работы с текстом выяснилось, что в нем присутствует множество ошибок, вплоть до пропусков слов в предложениях. На наш взгляд, это произошло, вероятнее всего, в результате небрежной работы наборщика текста.

ния горцев в страны Османской империи конца XIX – начала XX в. [2]. Они разделяли воззрения своего суфийского наставника – шейха Абдурахмана-Хаджи ас-Сугури [4], которые были изложены в его трактате «Хазихи рисала шарифа ли-ш-шайх ал-фадил ал-хаджж Абд ар-Рахман ас-Сугури» [21], посвященном необходимости переселения мусульман на территорию, подвластную исламским законам [1, с. 72]. Исследователи отмечают, что, согласно мнению Абдурахмана-Хаджи ас-Сугури, хиджра (переселение) позволяла продолжить джихат (священную войну с неверными) из-за границы [3].

«Макалат ал-валийи Мухаммад б. Ахмад ал-Хабши ли масаили ал-ʻариф Шуʻайб афанди ал-Багини» традиционно начинается с истиазы, басмаллы, хамдаллы (традиционные мусульманские сакральные формулы), а также благословения и приветствия пророка Мухаммада и его сподвижников. Во вступительной части сочинения автор поясняет причину написания сочинения: «Когда я увидел написанное Шуайбом-эфенди ал-Багини об известном шейхе, божественном кутбе (святой высокого ранга в духовной иерархии), да будет свята его душа, я опечалился и обнаружил то, что было сокрыто от взора того арифа (обладателя мистических знаний), и если бы у Шуайба-эфенди была бы [способность] сухбы (духовного общения), то он не нашел бы и точки недостатков (у Шарапуддина ал-Кикуни), да будет свята его душа».

Цитируя все отрывки из «Табаката» ал-Багини, имеющие отношение к шейхам ал-Кикуни, Мухаммад ал-Хабши высказывается в защиту «муршидов». «После сказанного им, т. е. Шуайбом-эфенди, об Абу Ахмаде ас-Сугури (Абдурахмане-Хаджи ас-Сугури. – *З.И.*), Мухаммаде ал-Мадани (Мухаммаде-Хаджи ал-Кикуни. – *З.И.*), Узун ас-Салти (Узун-Хаджи из с. Салта ныне Гунибского района РД. – *З.И.*), Мусе ал-Кукни (из с. Кукни ныне Лакского района РД. – *З.И.*), если пожелает Аллах, мы поясним другим, и, если Всевышний Аллах пожелает, мы поверим сказанному господином Шарафаддином ар-Рашади*, он око наших благородных господ, его совершенству нет предела». Процитировав высказывание Шуайба ал-Багини: «… Разве не слышал он (ал-Кикуни) слова знаменитого дагестанского ученого Мухаммада сына Мусы ал-Кудуки**, который говорил: “Кто приписывает себе того, чего нет, этого человека разоблачит время”, Мухаммад ал-Хабши парирует: «… если бы алим (ученый) Шуайб-эфенди знал бы макаматы авлийа (приближенных к Аллаху), он никогда не указал бы на ал-Кудуки, потому что он (ал-Кудуки) никогда не был среди благородных авлийа, смотрящих на простой народ посредством света проницательности. Воистину он был ученым наук явных, но никогда не погружался в море мистических наук… Как его испытает время, нет у него орудия испытания из орудий иршада и не постиг он, что явно, а что тайно». В данном случае Мухаммад ал-Хабши имеет в виду причисление в «Табакате» самим же Шуайбом ал-Багини ал-Кудуки к святым из категории алимов, достигших познания Всевышнего путем глубокого изучения богословских наук.

Экспрессивные стиль и манера изложения мыслей в «Макалат ал-валийи Мухаммад б. Ахмад ал-Хабши ли масаили ал-ʻариф Шуʻайб-афанди ал-Багини» Мухаммада ал-Хабши, безусловно, отражают субъективное отношение автора к рассматриваемому вопросу. В защиту шейха, входящего в его цепь духовной преемственности, он пишет: «…У него (Шарапуддина ал-Кикуни) есть беспристрастные свидетели среди ученых углубленных, их количество несметно… Со временем мы поняли, что он выдающийся человек, и узнали о его происхождении от актабов (кутб *мн.*). Нет у него покрывала (завесы) между [ним и] простым народом, и готов он [прийти на помощь] каждому из его окружения. Воистину они (его последователи) были и в дальних землях – от Востока до Запада». Мухаммад ал-Хабши считает, что Шуайб ал-Багини написал, что время проверит истинность Шарапуддина ал-Кикуни только потому, что «никогда не приходил к нему (Шарапуддину) для испытания, подобно как приходили алимы, поражаясь остающимся в неведении и непонимающим исходящее от совершенного муршида шейха Шарафаддина».

На высказывание ал-Багини о том, что в Османской империи в настоящее время совершенным шейхом является мухаджир Муса ал-Ирфили (из с. Эрпели ныне Буйнакского района РД), автор отвечает: «Воистину Муса ал-Ирфили был истинным вали, но никто не следовал за ним, а за шейхом Шарафаддином шла масса простого народа, оставляя свою роди-

* Шарапуддин из с. Кикуни, помимо *нисбы* (имени относительного) ал-Кикуни, имел *нисбу* ар-Рашади, относящуюся к с. Рашадийа (ныне с. Гюнейкёй Республики Турция), основателями которого считаются он и его дядя Мухаммад-Хаджи.

** Мухаммад сын Мусы ал-Кудуки (1652–1717 гг.) – известный дагестанский ученый-богослов, уроженец с. Кудутль (ныне Гергебильского района РД).

ну, родственников, желая встретиться с ним… Неужели он (ал-Багини. – *З.И.*) не слышал, как, оставляя родину и продавая свое имущество, переселялись люди к господину господ и называли его шейхом. …Мы не рассуждаем и не говорим о разнице между ними (шейхами. – *З.И.*), и поручаем рассудить их макаматы (ступени на пути духовного познания) Аллаху, чтобы в Судный день быть свободными от ответственности. В мусульманской общине известны обстоятельства становления господина господ Шарафаддина мухаджиром. Никто из мусульманской общины не порицает его за это… Это у Шуайба-эфенди не хватило проницательности для постижения его значимости. И если бы она была у него, он был бы среди его последователей и приближенных». Высказывания ал-Багини о том, что почитаемый им шейх Шарапуддин ал-Кикуни – «Шайтандин» и «халиф* мнимых мусульман», а его (ал-Кикуни) речи «подобны басням» и т. д., Мухаммад ал-Хабши воспринимает как отвратительную клевету, отождествляя ее с поеданием мяса покойного брата. Ал-Хабши считает шейха Шарапуддина увайсом (муршидом, получившим разрешение на наставничество от покойного шейха, т. е. после смерти своего наставника).

М. Рощин в статье, посвященной суфизму в Дагестане, причины и истоки полемики по проблеме «лжешейхства» разъясняет следующим образом: «В советское время тарикаты находились под запретом, шейхи-суфии были либо репрессированы, либо действовали подпольно. Так же подпольно осуществлялась передача разрешений (араб. изну или иджаза) на распространение того или иного тариката от шейха к ученикам. Часто при передаче изну (иджаза) либо было очень мало свидетелей, либо их не было вовсе. Впоследствии в 1990-е годы это привело к пролиферации шейхов, а также к взаимным обвинениям шейхов в неправильном получении изну (иджаза) и в том, что шейхи-оппоненты не являются настоящими суфиями» [11]. На наш взгляд, данные выводы не отражают действительность полностью, т. к. при обращении к источникам, относящимся к началу XX в., исследователи имеют возможность убедиться в том, что данная проблема в Дагестане являлась актуальной как в досоветский, так и в последующие периоды. Истоки полемики между дагестанскими суфиями берут начало в первой половине XX в. В дальнейшем полемизирующие стороны для аргументации своих суждений обращались в основном к различным нарративным сочинениям своих предшественников.

В книге шейха накшбандийского и шазилийского тарикатов Саида-афанди ал-Чиркави (1937–2012 гг.), в отдельном разделе под названием «Сколько вирдов в Дагестане, и все ли они истинны?» [12, с. 223–251], автор, опираясь в основном на «Табакат» ал-Багини, приводит аргументы в пользу мнения об «окончании» духовной преемственности на некоторых суфийских шейхах. Также в данном издании представлены факсимиле и перевод с арабского языка на русский письма из Турции дагестанского мухаджира Джафара ас-Садики ад-Дургили (из с. Доргели). В нем сообщается, что в 1906 г. в г. Стамбуле состоялся маджлис (собрание) дагестанских богословов, на котором обсуждались вопросы суфийских практик, иршада и т. д. Согласно сообщению Джафара ас-Садики, на этом маджлисе выступил Шарапуддин ал-Кикуни с речью, в которой он утверждал, что будто в Дагестане нет совершенного наставника (ал-муршид ал-камил). В ответ на это выступление Али-Хаджи ал-Акуши (из с. Акуша ныне Акушинского района РД, 1847–1930 гг.) высказал свое мнение об отсутствии у последнего, как и у его муршида Мухаммада-Хаджи, иджазы на иршад [Там же, с. 237–239].

Таким образом, в Дагестане обсуждение проблемы «лжешейхства» в наше время является своего рода отголоском полемики в среде местных богословов начала XX в. Также необходимо указать, что, помимо внутрисуфийской полемики о «лжешейхстве», в начале XX в. в Дагестане среди верующих мусульман велась другая – о легитимности шейхства всех современных суфиев. Иными словами, существовало мнение, что современные суфии не соответствуют образу их «благочестивых предшественников». Так, Абусуфьян Акаев (1872–1931 гг.) [10] на страницах арабоязычного журнала «Байан ал-хакаик» писал, что в первый год его издания не было ни одного номера, в котором не затрагивалась проблема «лжешейхства» [7, с. 160]. Авторы статей этого журнала давали довольно-таки нелицеприятные характеристики дагестанским суфиям начала XX в., обвиняя их в стяжательстве и невежестве [Там же, с. 150–153]. В журнале «Байан ал-хака'ик» одним из редакторов, Хизри ал-Газаниши (из с. Казанище), было издано «Обращение к лжешейхам и их последователям из числа ученых». В нем утверждалось, что «шейхство в нашей стране (здесь – в Дагестане) в эти дни не соответствует магометанскому шариату, не получает от нее поль-

* Слово «халиф» в данном случае используется в значении «предводитель, властелин».

зы никто из мусульман. Более того, оно вредит исламу из-за присутствия вражды между мюридами и последователями шариата. А в итоге они (лжешейхи) используют религию для достижения мирских благ» [7, с. 161–162]. В исследовании, посвященном дагестанской арабоязычной газете «Джаридат Дагистан», А.Р. Наврузов дает обзор различных статей, изданных в ней. Среди них – публикации, посвященные суфиям современности. Он приводит статью Шарафутдина, сына Кади из Кумуха (ум. в 1943 г.), в которой утверждается, что «суфии сегодняшнего дня не сведущи в Коране и сунне, истории, небесных науках, подобно имамам ал-Газали и ал-Фахр ар-Рази, шейху Мухиддину Ибн Араби», которые «овладели суфизмом, науками и знаниями и выправляли в них то, что было попорчено суфиями-невеждами до них в здании суфизма» [8, с. 152–153]. Автор считает, что в Дагестане идет «соревнование шейхов между собой в увеличении толпы своих последователей и соревнование в ненависти одного к другому» [Там же, с. 153].

На наш взгляд, при рассмотрении подобного рода публикаций необходимо учитывать субъективность их авторов. Богатое рукописное наследие дагестанских суфиев рассматриваемого периода свидетельствует об их кругозоре, по крайней мере, в области религиозных знаний. Однако вышеуказанные публикации проливают свет на другую сторону полемики по проблеме «лжешейхства», имевшей место в начале XX в. и продолжающейся между верующими мусульманами на современном этапе.

Основная часть современной суфийской общины Дагестана делится на два течения, принадлежащие к братству Накшбандийа. Малочисленные представители суфийского ордена Кадирийа проживают в основном в Северном Дагестане. Первая ветвь накшбандийцев восходит к шейху Халиду ал-Багдади, другая, более многочисленная и влиятельная в настоящее время, названа в честь ее основателя, шейха Махмуда Алмалинского (1810–1877 гг.) – Халидийа-Махмудийа. Обе ветви отличаются правилами суфийских практик. По мнению исследователей, в Дагестане «борьба за влияние и власть еще в последней трети XIX в. расколола братство Накшбандийя на две соперничающие группировки. В полемических сочинениях суфиев борьба между обеими линиями переведена в область споров о правомочности разных суфийских практик» [20, с. 30].

В настоящее время в большинстве случаев различного рода выпады против духовных наставников воспринимаются их последователями очень болезненно. Известны случаи, когда рядовые адепты суфийских орденов, вступив в одно духовное братство, параллельно исполняют вирд (духовные практики в виде «заданий», регулярно выполняемых в определенное время) другого ответвления, легитимность которого ставится представителями первого под сомнение.

Необходимо отметить, что внутрисуфийская полемика по проблеме «лжешейхства» на современном этапе потеряла ту остроту, которая была ей присуща еще в 90-е гг. XX в. Мы наблюдаем относительную толерантность во взаимоотношениях между представителями различных суфийских братств, объединившихся в идеологической борьбе против представителей радикальных течений в исламе.

Список литературы

1. Бобровников В. О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 67–78.

2. Ибрагимова З.Б. Дагестанские шейхи как идеологи переселения дагестанцев в страны Османской империи в конце XIX –начале XX в. // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. 2011. Вып. 11. С. 62–69.

3. Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане. URL: https://ov.kavkaz-uzel.ru (дата обращения: 25.09.2016).

4. Магомедова З.А. Шейх накшбандийского тариката – Абдурахман-Хаджи из Согратля. Махачкала, 2010.

5. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш. Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века // Письменные памятники Востока. 2012. Вып. № 2. С. 218–232.

6. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш. Чудотворство святых в дагестанском арабоязычном суфийском биографическом сочинении «Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва садат машаих ал-Халидийа ал-Махмудийа» Шуайба ал-Багини // Исламоведение: науч.-теор. журн. 2011. № 4. С. 37–43.

7. Наврузов А.Р. «Байан ал-хакаик» (1925–1928 гг.) – духовный журнал ученых-арабистов Дагестана // Дагестанские святыни. Кн. 3. Махачкала, 2013.

8. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М., 2012.

9. Наврузов А.Р. Проблема шейхства и «лжешейхства» в тарикате // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг. СПб., 2009. С. 354–356.

10. Оразаев Г. М.-Р. Абусупиян Акаев – просветитель народов Дагестана и Кавказа. Казань, 2008.

11. Рощин М.Ю. Современный суфизм в Дагестане. URL: http://www.keston.org.uk/russia/articles/

window/Roshchin_Sufism_Dagestan (дата обращения: 20.09.2016).

12. Саид-афанди аль-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. М. , 2003.

13. Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи. Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин. URL: http: //www.sufizm.ru/lib/tanbihu_salikin/1/ (дата обращения: 25.05.2015).

14. Шехмагомедов М.Г. Творчество дагестанского ученого-богослова и суфийского шейха Хасана Хилми ал-Кахи в контексте религиозной, культурной и политической жизни дагестанского общества в первой трети XX в. // Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф.3. Оп.1. Д. 903.

15. Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш. Сведения об ученом-богослове и суфийском шейхе Мама-дибире ар-Ручи в контексте дагестанских арабоязычных биографических сочинений // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: http: //www.science-education.ru/pdf/2012/6/299.pdf (дата обращения: 10.09.2016).

16. Шихалиев Ш.Ш. Арабографические сочинения по суфизму на кумыкском языке в контексте развития дагестанской суфийской литературы // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 3 (39). С. 71–79.

17. Шихалиев Ш.Ш. Духовное наследие дагестанских суфийских шейхов XIX – первой половины XX в.: проблемы изучения и интерпретации тестов // НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 455.

18. Шихалиев Ш.Ш. Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и шазилийского тарикатов // Государство и религия в Дагестане: информ.-аналит. бюл. Комитета Правительства РД по делам религии. Махачкала, 2003. №1 (4).

19. Шихалиев Ш.Ш. «Кифайат ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари как памятник по истории суфизма в Дагестане // Pax islamica. 2011. № 2 (7).

20. Шихалиев Ш.Ш. Суфийский шейх сегодня // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 30.

21. Shikhsaidov A. R., Kemper M., Tagirova N. The Library of Imam Shamil // Princeton University Library Chronicle. V. LXIV. NumberI. Autumn. 2002. P. 121–140.

* * *

1. Bobrovnikov V. O. Muhadzhirstvo v «demograficheskih vojnah» Rossii i Turcii // Vostok (Oriens). 2010. № 2. S. 67–78.

2. Ibragimova Z.B. Dagestanskie shejhi kak ideologi pereselenija dagestancev v strany Osmanskoj imperii v konce XIX –nachale XX v. // Rossija i arabskij mir. Nauchnye i kul'turnye svjazi. 2011. Vyp. 11. S. 62–69.

3. Kemper M. K voprosu o sufijskoj osnove dzhihada v Dagestane. URL: https://ov.kavkaz-uzel.ru (data obrashhenija: 25.09.2016).

4. Magomedova Z.A. Shejh nakshbandijskogo tarikata – Abdurahman-Hadzhi iz Sogratlja. Mahachkala, 2010.

5. Musaev M.A., Shihaliev Sh.Sh. Chudesnye dejanija svjatyh v arabojazychnyh sufijskih biograficheskih sochinenijah dagestanskih shejhov nachala XX veka // Pis'mennye pamjatniki Vostoka. 2012. Vyp. № 2. S. 218–232.

6. Musaev M.A., Shihaliev Sh.Sh. Chudotvorstvo svjatyh v dagestanskom arabojazychnom sufijskom biograficheskom sochinenii «Tabakat al-Hvadzhakan an-nakshbandija va sadat mashaih al-Halidija al-Mahmudija» Shuajba al-Bagini // Islamovedenie: nauch.-teor. zhurn. 2011. № 4. S. 37–43.

7. Navruzov A.R. «Bajan al-hakaik» (1925–1928 gg.) – duhovnyj zhurnal uchenyh-arabistov Dagestana // Dagestanskie svjatyni. Kn. 3. Mahachkala, 2013.

8. Navruzov A.R. «Dzharidat Dagistan» – arabojazychnaja gazeta kavkazskih dzhadidov. M., 2012.

9. Navruzov A.R. Problema shejhstva i «lzheshejhstva» v tarikate // Lavrovskij sbornik: materialy HHHIII Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2008–2009 gg. SPb., 2009. S. 354–356.

10. Orazaev G. M.-R. Abusupijan Akaev – prosvetitel' narodov Dagestana i Kavkaza. Kazan', 2008.

11. Roshhin M.Ju. Covremennyj sufizm v Dagestane. URL: http://www.keston.org.uk/russia/articles/window/Roshchin_Sufism_Dagestan (data obrashhenija: 20.09.2016).

12. Said-afandi al'-Chirkavi. Sokrovishhnica blagodatnyh znanij. M. , 2003.

13. Hasan b. Muhammad Hilmi al-Kahi. Tanbih as-salikin ila gurur al-mutashajjihin. URL: http://www.sufizm.ru/lib/tanbihu_salikin/1/ (data obrashhenija: 25.05.2015).

14. Shehmagomedov M.G. Tvorchestvo dagestanskogo uchenogo-bogoslova i sufijskogo shejha Hasana Hilmi al-Kahi v kontekste religioznoj, kul'turnoj i politicheskoj zhizni dagestanskogo obshhestva v pervoj treti XX v. // Nauchnyj arhiv Instituta istorii, arheologii i jetnografii Dagestanskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk (NA IIAJe DNC RAN). F.3. Op.1. D. 903.

15. Shehmagomedov M.G., Shihaliev Sh.Sh. Svedenija ob uchenom-bogoslove i sufijskom shejhe Mama-dibire ar-Ruchi v kontekste dagestanskih arabojazychnyh biograficheskih sochinenij // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. № 6. URL: http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/299.pdf (data obrashhenija: 10.09.2016).

16. Shihaliev Sh.Sh. Arabograficheskie sochinenija po sufizmu na kumykskom jazyke v kontekste razvitija dagestanskoj sufijskoj literatury // Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii. 2014. № 3 (39). S. 71–79.

17. Shihaliev Sh.Sh. Duhovnoe nasledie dagestanskih sufijskih shejhov XIX – pervoj poloviny HH v.:

problemy izuchenija i interpretacii testov // NA IIAJe DNC RAN. F. 3. Op. 1. D. 455.

18. Shihaliev Sh.Sh. Iz istorii pojavlenija v Dagestane posledovatelej nakshbandijskogo i shazilijskogo tarikatov // Gosudarstvo i religija v Dagestane: inform.-analit. bjul. Komiteta Pravitel'stva RD po delam religii. Mahachkala, 2003. №1 (4).

19. Shihaliev Sh.Sh. «Kifajat al-murid» Il'jasa al-Cudakari kak pamjatnik po istorii sufizma v Dagestane // Rax islamica. 2011. № 2 (7).

20. Shihaliev Sh.Sh. Sufijskij shejh segodnja // Jetnograficheskoe obozrenie. 2006. № 2. S. 30.

Discourse of Dagestan theologians regarding "false sheikhdom" (brief view on the history of the issue)

The article deals with the issue of "false sheikhdom" in Dagestan Arabic polemical theological works of the early twentieth century.The controversy on this issue originated at thatperiod and was reflected in the works by modern theologians. The consideration of this question is included into research of the history of Sufism in Dagestan.

Key words: *Sufism, sheikh, false sheikhdom, controversy, Dagestan.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

И.Л. ГАВРИЛЮК
(Волгоград)

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

На основе анализа документов нижневолжских архивов и сохранившихся периодических изданий 1920–1930-х гг. показаны характерные формы освещения промышленного развития региона в местной прессе. Проанализирована роль печатных СМИ в процессе социалистической модернизации промышленности Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: *индустриализация, пропаганда, периодическая печать, средства массовой информации, Нижнее Поволжье, газеты, промышленное развитие.*

Первоочередной задачей развития советской экономики со второй половины 1920-х гг. была индустриализация. Одним из важнейших районов индустриализации в СССР было Нижнее Поволжье. На его территории развернулось строительство гигантов советской индустрии. Региональная периодическая печать активно участвовала в пропаганде и освещении индустриального строительства. Прежде всего, это были краевые и городские газеты, которые являлись печатными органами комитетов коммунистической партии: «Борьба» (Сталинград), «Коммунист» (Астрахань), «Саратовские известия» (Саратов). Но, помимо упомянутых изданий, в годы первых пятилеток на территории Нижневолжского региона широкое развитие получает низовая печать, которая включала в себя фабрично-заводские, районные, колхозные газеты, а также издания местных ведомств. Такие издания, ведя общую, как и вся пресса, пропаганду, конкретизировали ее посредством местных примеров, условий и задач.

На предприятиях Сталинграда, Саратова, Астрахани и других городов Нижнего Поволжья создавались свои газеты и даже журналы. В феврале 1927 г. при заводском комитете сталинградского завода «Красный Октябрь» было создано издательство. В нем издавалась газета «Красный Октябрь», которая выходила 2 раза в месяц. Важнейшими объектами освещения газеты были профессиональная жизнь, вопросы быта рабочих и производства. В 1928 г. газета имела довольно большой тираж – 2500 экземпляров. В 1932 г. ее тираж возрос до 10 тыс. экземпляров [11].

На Сталинградском тракторном заводе в 1930-е гг. издавалась газета «Даешь трактор» [15] и была крупнейшим заводским изданием региона. Она имела наибольший из всех заводских газет тираж – так, например, в 1932 г. он составлял 15 тыс. экземпляров. Периодичность издания – 25 номеров в месяц (аналогично газете «Красный Октябрь») [14]. Газета «Даешь трактор» была известна не только сталинградским читателям, но и на всесоюзном уровне. В 1931 г. в ведущей центральной советской газете «Правда» была проанализирована и оценена деятельность более 500 газет со всего Советского Союза. Многие газеты обозревались неоднократно, в том числе и некоторые фабрично-заводские издания. Среди них и «Даешь трактор». За этот год в «Правде» два раза помещен обзор сталинградской заводской газеты [12, с. 18]. В конце 1930-х гг. руководством региона газета «Даешь трактор» признавалась одним из лучших изданий области [13]. Заводоуправлением этого же завода издавался

© Гаврилюк И.Л., 2017